

Научная статья
УДК 340.132.85
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-110-119

Александр Николаевич Пирожников
<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

Главное управление МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
Российская Федерация, 191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 50/52

Исторические предпосылки разработки иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации

Аннотация: Актуальность темы обусловлена необходимостью ретроспективного анализа отдельных мер государственного принуждения с целью понимания их уголовно-правовой сущности. История развития иных мер уголовно-правового характера применительно к отдельно взятым группам преступлений в уголовно-правовой литературе практически не рассматривается. Не являются исключением и посягательства на интересы государства, наказание за которые традиционно было одним из самых суровых среди общественно опасных деяний, запрещённых уголовным законом. Тем не менее анализ исторических источников показывает, что пределы принуждения в данной области с течением времени существенно менялись. Происходившие изменения были связаны с политикой государства, а именно гуманизацией наказания – смягчением средств воздействия, применяемых в отношении лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства. Сегодня эта тенденция в целом сохраняется. Наряду с жёсткостью подхода власть допускает компромисс, обоснованно полагая, что иное воздействие или пограничные меры способны обеспечить эффективность превенции.

При организации исследования использовались традиционные *методы* – обобщение, анализ, аналогия.

Результаты. Развитие науки уголовного права, а также доминирование идей гуманизма, экономики человеческого материала обусловили реализацию принципиально иного подхода во всей сфере уголовно-правового регулирования. Полагаем, дальнейшее развитие данного направления позволит определить новые перспективы противодействия преступлениям исследуемой группы.

Ключевые слова: система наказаний, средства воздействия, гуманизация, экономия репрессии, ретроспективное исследование

Для цитирования: Пирожников А. Н. Исторические предпосылки разработки иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 110–119; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-110-119.

Alexander N. Pirozhnikov
<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in St. Petersburg and the Leningrad region
50/52, st. Suvorovsky ave., St. Petersburg, 191015, Russian Federation

Historical prerequisites for the development of other measures of a criminal law nature aimed at restricting the rights of persons committed crimes against the interests of the Russian Federation

Abstract: The relevance of the topic is due to the need for a retrospective analysis of individual measures of state enforcement in order to understand their criminal legal nature. The history of the development of other measures of a criminal law nature in relation to individual groups of crimes is practically not

considered in the criminal law literature. Encroachments on the interests of the state the punishment for which has traditionally been one of the most severe among socially dangerous acts prohibited by criminal law are not excluded. Nevertheless, the analysis of historical sources shows that the limits of coercion in this area have changed over time significantly. The changes that took place were related to the policy of the state, namely the humanization of punishment - the mitigation of the means of influence used against persons guilty of committing crimes against the interests of the state. Today, this trend generally continues. Along with the rigidity of the approach, the authorities allow a compromise, reasonably believing that a different impact or border measures can ensure the effectiveness of prevention.

Traditional *methods* were used in the study organizing - generalization, analysis, analogy.

Results. The development of the criminal law science, as well as the humanism ideas dominance, the human resources economy, led to the implementation of a fundamentally different approach in the entire field of criminal law regulation. We believe that the further development of this area will allow us to determine new prospects for countering the crimes of the group under study.

Keywords: system of punishments, means of influence, humanization, economy of repression, retrospective study

For citation: Pirozhnikov A. N. Historical prerequisites for the development of other measures of a criminal law nature aimed at restricting the rights of persons committed crimes against the interests of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 110–119; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-110-119.

Полагаем, что достижение максимально объективного результата применительно к предмету нашего исследования возможно лишь при обращении к одним из первых централизованных актов Русского государства, Судебникам 1497 г. и 1550 г. Оба документа были продуктами своей эпохи и содержали лишь некие зачатки так называемых мер иного воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений. Безусловно, говорить о непосредственной правовой регламентации ответственности отдельных средств, выступающих в качестве альтернативных наказанию, не приходится. Тем более об этом сложно вести речь применительно к отдельно взятой группе посягательств (против государства и всего, что к таковым может относиться, с учётом исторического периода).

Вместе с тем упоминание обоих памятников отечественного права совершенно необходимо – прежде всего, с позиции их уникальности как первоначальных актов, позволивших создать основу для последующего развития отечественной правовой системы. Оба документа содержали ответственность за такие преступные посягательства против государства, как: *убийство господина, крамола, церковная кража или святотатство, кража, сопровождавшаяся убийством, передача секретных сведений или оговор невиновного, поджог города с целью предать его врагу* (ст. 9 Судебника 1497 г. [19], ст. 61 Судебника 1550 г.)¹. Все они предусматривали однозначно определённую санкцию, содержащую единственный вид наказания – смертную казнь. Какая-либо альтернатива в уголовно-правовом плане на тот момент была ещё невозможна, а вот в уголовно-процессуальном аспекте уже

тогда просматривались средства принуждения, выходящие за пределы уголовного наказания, способные при этом претендовать на роль прообраза иных средств принуждения лиц, виновных в совершении преступления. В частности, ст. 53 Судебника 1550 г. устанавливала возможность предварительного заключения до определения наказания государем [21, с. 82]. Даже при наличии в отечественном УПК РФ нормы о заключении под стражу (ст. 108) идея именно предварительного заключения как иной меры уголовно-правового характера и сегодня имеет право на существование, находя соответствующее обоснование в современной литературе². При этом специалисты говорят и об иных средствах воздействия, способных оказаться в числе отдельных мер противодействия преступности, не входящих в систему наказаний. Например: «Если же находили дело у подьячего за городом или на подворье, весь ущерб от иска оплачивал дьяк, а подьячего наказывали торговой казнью и увольняли, в результате чего он нигде больше не мог служить подьячим» [12, с. 37]. Некий прообраз ныне существующего наказания в виде запрета на возможность заниматься определёнными видами деятельности или занимать определённые должности просматривался уже тогда. При этом именно данное наказание способно перейти в разряд иных мер уголовно-правового характера в силу своего крайне низкого карательного потенциала и в основном ограничительной направленности, реализуемой в основном уже после исполнения основного вида наказания.

Безусловно, наиболее прогрессивным как в этом, так и во всех других отношениях было Соборное уложение 1649 г., существенно рас-

¹ Судебник 1550 г. / перевод В. Г. Цыганова [Электронный ресурс] // Pnzgu.ru: сайт. – URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf?ysclid=15z63yka5j687290179 (дата обращения: 15.11.2022).

² См., напр.: Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис... д-ра юрид. наук. – Омск, 2013. – 650 с.

ширившее систему средств уголовно-правового противодействия преступности. Так, в данном документе широко используется наказание в виде изгнания преступника из земли по месту жительства, включающее в себя запрет на посещение определённых мест, территории, ограничение на выезд за пределы территории муниципального образования³. Помимо изгнания используется также ссылка, применяющаяся, например, за кражу, разбой, самовольный переход из городского состояния в крестьян или холопы [14, с. 82]. Кроме того, широко используются имущественные наказания в виде конфискации имущества [24, с. 32], компенсации причиненного вреда. Многие из них применялись в дополнение к собственно наказаниям: смертной казни, торговой казни, тюремному заключению, физическому воздействию в виде битья кнутом или батогами и прочими видами кары. Именно они выступают в качестве исторических предвестников средств иного воздействия, которые сегодня могут найти соответствующее нормативное закрепление в санкциях за преступления против интересов Российской Федерации. Речь в данном случае, конечно, идёт о блоке средств воздействия имущественного, компенсационного, ограничительного и изоляционного (ссылка, изгнание) свойства, которые, несмотря на течение времени, несколько не потеряли (а с учётом происходящих на геополитическом пространстве событий только приобрели) актуальности. При этом важен сам факт внимания законодателя к данному аспекту уголовно-правового воздействия, с учётом того что его видовое содержание в каждую из исторических эпох существенно меняется.

В дальнейшем отмеченная выше тенденция лишь усилилась, получая соответствующий импульс параллельно с развитием как государственного устройства в целом, так и правовых институтов и механизмов в частности. Вполне естественно, что они не обошли стороной и сферу уголовно-правового воздействия, в том числе за преступные посягательства на интересы государства. Тем не менее их основными видами оставались (помимо не входящей в предмет нашего исследования смертной казни) конфискация имущества виновного (а также вычет из жалования и штрафа), ссылка на каторгу [6, с. 17]. При этом основная неопределённость правового регулирования строилась отчасти на процессуальных аспектах применения наказания, а отчасти на зависимости его вида и размера от сословности как потерпевшего, так и виновного, возможности крайне широкого усмотрения правоприменителя и прочих моментах, не относящихся собственно к самим видам воздействия.

Пожалуй, наибольший интерес в нашем случае представляют собой наказания, поража-

ющие в правах. Ни тогда, ни сейчас, не будучи наделенными карательным потенциалом, данные способы воздействия на виновного влекли для него мощные психологические и социальные последствия. Так, наказания, поражающие в правах, носили самостоятельный или дополнительный характер, а также применялись в виде «осрамительных» обрядов, к которым прибегали в случае отсутствия виновного. К самостоятельным относились следующие: публичное испрашивание отпущения вины (гл. III ст. 21; гл. XVII ст. 141) или отозвание оскорбительных слов перед судом и сознание во лжи (гл. XVIII ст. 151); заоплеушение палачом или удар профоса по щеке (гл. XVII ст. 145); ношение в присутствии полка пики, мушкета или карабина (гл. I ст. 7–8). Сюда же мог быть отнесен и арест у профоса. Лишение чести часто встречается в «Артикуле» как наказание без обозначения, что под этим понимается (гл. III ст. 29) [10, с. 49].

При этом в качестве отдельной меры подобного плана предусматривалось шельмование, которое в некоторых случаях сопровождало смертную казнь и влекло за собою конфискацию (гл. XII ст. 99). Шельмование происходило в виде переламывания над преступником шпаги и объявления его «шельмом»; вслед за тем происходила казнь (гл. XV ст. 123). Объявленный шельмом считался вне закона, человеком бесправным.

Шельмовать значило «из числа добрых людей и верных извергнуть». «Воинские Процессы» устанавливали следующие ограничения для шельмованных: 1) Ни в какое дело, ниже свидетельство не принимать; 2) Кто такого ограбит, побьет или ранит, или у него отымет, у оного челобитья не принимать и суда ему не давать, разве до смерти кто его убьёт, то яко убийца судиться будет; 3) В компании (общество) не допускать и единым словом, таковой весьма лишён общества добрых людей; а кто сие преступит, сам может наказан быть⁴.

Из изложенного следует, что в отмеченный исторический период уже активно используются так называемые дополнительные виды наказаний, а также способы воздействия, которые смело можно рассматривать в качестве иных мер, не имеющих в своем содержании карательных элементов. Более того, потенциал некоторых из них, что важно, процедура приведения их в исполнение, на рассматриваемый исторический момент были выше, чем сейчас у тех мер, которые содержатся в уголовном законодательстве.

Отметим, что ситуация в части правовой регламентации рассматриваемых вопросов практически не изменилась в годы царствования Екатерины I, Петра II [23, с. 45] и Анны Иоанновны. По-настоящему она начала трансформироваться в период правления Елизаветы Петровны, когда на законодательном уров-

³ Сидоркин А. И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения : дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2005. – 451 с.

⁴ Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое 1649–1825 гг.: в 45 т. – Т. 5 (1713–1719). – Санкт-Петербург: Типография II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – С. 410–411.

не было закреплено понятие «политическая смерть». При этом четко оговаривалось, что считать смертью политической, а что наказанием [2]. В 1753 г. императрица повелела, «учиня экстракт», доложить, «за какие вины политическая смерть и какая именно по указам положена». «Политическою смертию», по мнению Сената, следовало считать, «ежели кто положен будет на плаху, или взведён будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей» или подвергнут вечной ссылке «без всякого наказания». После рассмотрения в Главных командах «обстоятельные и краткие экстракты» дел с приложением законодательного обоснования и мнением сыщика отправляли в Сенат. За «наказание, а не за политическую смерть», по мнению законодателей, «почиталось» битие виновных кнутом «с вырезанием ноздрей» и отправление «в ссылки вечно» [25, с. 41–42].

Таким образом, в исследуемый период практически впервые используется иное средство воздействия на преступников – «политическая смерть». При этом, и что самое главное, на законодательном уровне даются её отличия от наказания. Впервые обозначается статус иной меры, а её отличия начинают входить в сферу интересов законодателя, и именно данный факт выступает в качестве наиболее значимого для проведения дальнейшего анализа российского законодательства.

По-настоящему серьезный разворот к самой идее некарательного воздействия на виновного произошел чуть позднее, в период правления Екатерины II. Находясь во власти идей Ш. Л. Монтескье и Ч. Беккариа, Екатерина II с первых дней нахождения во власти начинает работу над новым законодательством. Итогом такой работы, как известно, стал «Наказ», который впервые в истории (как в России, так и в Европе) формулирует другую, помимо уже известных возмездия и устрашения, цель наказания, а именно охранение общества от преступлений [7, с. 144–145], или «возвратить заблудшие умы на путь правый» (ст. 84). Поэтому «Наказ» рассчитывает более на предупредительные меры, чем на карательные (ст. 83), и не рекомендует в законе деяний безразличных, требует, чтобы закон не благодетельствовал одним во вред другим, чтобы просвещение распространялось между людьми [26, с. 19–25]. В связи с этим «Наказ» предписывает применять наказания с осторожностью (ст. 208) и даёт специальные пояснения. Впрочем, сама идея смягчения наказания, а часто и отказ от кары, звучит в документе неоднократно. «Если бы даже жестокость наказаний не была отвергнута добродетелями, то к отрицанию одной довольно было бы и того, что она бесполезна, а следовательно, и несправедлива» (ст. 85); «надлежит, чтобы оно (наказание – Авт.) было народное, по надлежащему скорое, потребное для общества, умеренное, сколь можно, при данных обстоятельствах, уравненное с преступлением и точно показанное в законе» (ст. 200); и др.

Именно этот момент связан с рождением первых научных изысканий, посвящённых

данной проблематике, которые также стояли на позиции отказа от доминирования начала кары и были настроены на поиск их альтернатив. Так, целью наказания, по мнению А. Н. Радищева, является не мщение (оно всегда гнусно), а «исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления». Далее, развивая эту мысль, писатель отмечал, что «верховная власть многие имеет средства направлять деяния граждан в стезю закона, и все они могут быть предметом общего законоположения. Средства сия суть: 1) воспретительные; 2) побуждающие; 3) предупреждающие» [13, с. 405]. Предупреждение вновь и вновь оказывается среди целей наказания, что даёт серьезный импульс для развития начал некарательного воздействия на лиц, совершивших преступления, в отечественном уголовном законодательстве. При этом среди наиболее ярких средств реализации идей предупреждения и исправления было введение в уголовное законодательство работных домов [4, с. 12–14]. Несмотря на её заимствование у У. Блэкстоуна, для российской системы правосудия она была новаторской, особенно с учётом специфики её реализации в отечественном уголовном законодательстве. В этом отношении следует признать прогрессивность указанного периода, что позволяет рассматривать его как прочную основу для формирования всего направления иного воздействия на осуждённых средствами уголовного-правового характера.

Важно отметить, не стали исключением из сформировавшейся тенденции и преступления против государственной власти. Оказавшись под влиянием идей смягчения, гуманизма, экономии человеческого ресурса и терпимости, ответственность за данные посягательства также изменилась. В основном это произошло за счёт расширения практики применения такого вида наказания, как ссылка, которая стала носить все более колониционный характер (колонизированная ссылка). При этом «ссылка за тяжкие государственные преступления приобретает более широкий размах и значение»⁵, более того, постепенно трансформируется (существуя параллельно) в ещё более гуманное и, что самое главное, необходимое государству средство воздействия на преступника, совершившего в том числе преступление данной группы, – поселение [22, с. 81].

Всё это свидетельствует о серьёзном эволюционном пути, который был пройден законодателем, начиная от первого Судебника до появления «Наказа» Екатерины II, в части определения, разработки и реализации самой идеи более гуманного подхода к лицам, совершившим в том числе государственные преступления, за счёт иного, в основном некарательного воздействия.

Система уголовно-правового противодействия преступности уже в первой четверти XIX столетия стала представлять собой слож-

⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право (лекции): часть общая: в 2 т. – Москва: Наука, 1994. – 419 с.

ную иерархию наказаний уголовных и исправительных. При этом исправительные наказания сопровождалось лишением некоторых прав состояния, телесным воздействием, ссылкой в Сибирь, кратковременным заключением в тюрьме или в крепости, арестом, штрафом, выговором. Между тем уже из наименований наказаний становится понятным, что часть из них (лишение прав состояния, выговор и др.), мало напоминают собственно наказания, в большей степени являясь выражением идеи иного воздействия на виновных в совершении преступлений. Одни только работы, назначаемые в рамках уголовного наказания, делились на каторжные, крепостные, в портах, работы в казённых заведениях и фабриках, смирительном доме, рабочем доме, городские работы и работу у частных лиц вместо рабочих домов.

«В качестве наказания за государственные преступления Уложение предусматривало лишение всех прав состояния и смертную казнь, лишение всех прав состояния и каторжную работу на разные сроки, ссылку на поселение в отдаленнейшие места Сибири, а для лиц, «не изъятых от наказаний телесных», – наказание плетью с наложением клейм. Последние из указанных мер наказания были связаны с последующим (после окончания срока) правопоражением. Восстановление сословных прав и снятие полицейского надзора было возможно лишь исключительно по воле императора. Статья 277 разрешала применять в качестве дополнительного наказания конфискацию всего имущества, родового и благоприобретенного».

Такое многообразие видов наказаний, которые не имели собственно карательного потенциала и предусматривались за указанные виды преступных посягательств, во многом было обусловлено видовой трансформацией, которая произошла с ними с течением времени. Например, с развитием книгопечатания (и в целом издательского дела) распространёнными стали такие явления, как критика власти, открытые призывы к её смене на страницах книг и журналов. Позднее законодатель перевел данные действия в разряд уголовно наказуемых, при сохранении определённых условий, способных повлечь административно-правовые последствия⁶. Во многом это было обусловлено тем, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не было юридически обоснованным разработанным уголовным кодексом. Для него, так же как для Свода законов 1832 г., характерно отсутствие чёткого разграничения уголовной, административной и дисциплинарной ответственности. Тем не менее именно данный факт, несмотря на, казалось бы, отрицательные предпосылки, оказал значительное влияние на появление и дальнейшую проработку средств воздействия на виновного.

Что характерно, отмеченная выше проблема, проявившись в указанный период, получила дальнейшее развитие в российском законодательстве и продолжает сохраняться и сегодня. Разграничение сфер правового регулирования именно в части решения вопроса о виде юридической ответственности, в том числе и применительно к рассматриваемой группе преступных посягательств, практически не поддавалось российскому законодателю XIX столетия. Так, Н. С. Таганцев по этому поводу замечает, что меры, применяемые полицейскими и другими административными властями для предупреждения и пресечения преступлений, не относятся к наказанию, их применение не зависит от карательной власти. «При издании Судебных уставов предполагалось, что они будут определены новыми уставами полиции; но это предположение не осуществилось, и система административных взысканий осталась и ныне в крайне неопределённом виде»⁷. Далее автор отмечает, что в Уложении о наказании в ред. от 1857 г. в примечании к ст. 62 было указано, что в некоторых случаях (включая посягательства на интересы государства) могут быть использованы такие средства, как «высылка за границу», «отдача под надзор полиции», «запрещение жить в определённых местах», «кратковременный арест» и др.⁸ Все эти меры в полном объёме могла применять полиция, в том числе (а в отдельных случаях и в особенности) и за преступления против государства, действуя при этом за пределами уголовного наказания. Однако, по мнению учёного, так называемые полицейские меры представляли полную неопределённость⁹. Между тем именно они в последующем легли в основу некоторых мер уголовно-правового характера некарательного свойства за преступления против государства и, более того, стали использоваться в качестве таковых в дальнейшем.

Несмотря на прогрессивность некоторых мер, применяемых в этот период, следует отметить его высокий уровень неопределённости именно в части установления средств воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений, в том числе в сфере государственной власти. Составители Уложения, по мнению Н. С. Таганцева, не установили основного принципа деления наказаний. Это в равной степени относилось как к его видам (рудники, крепости, заводы, поселения в Сибири, проживание в отдалённых губерниях, арестантские роты, рабочий дом, смирительный дом, тюрьма, арест и др.), так и к дифференциации (возможность деления наказаний по месяцам, неделям, дням и даже часам)¹⁰. По большому счёту это время перехода от сугубо карательной модели к её компромиссному варианту, в котором иное воздействие начало занимать по-настоящему своё, если ещё не по статусу, то по крайней мере, фактическое место.

⁶ В частности, в 1826 году был учреждён цензурный комитет, в обязанности которого входило выявление вещей подобного рода, их документирование и последующий доклад о самом нарушении и его степени.

⁷ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: часть общая. – Т. II. – Тула: Автограф, 2001 – 798 с.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – С. 126–127.

Таким образом, несмотря на качественно новый подход к правовой регламентации и в целом пониманию уголовно-правового воздействия, период с конца XIX в. – начала XX столетия характеризуется высоким уровнем неопределённости, что не могло не сказаться и на отношении к иным мерам в общем, и к возможности их применения за преступления, посягающие на интересы государства.

Однако уже в начале XX в. П. И. Люблинский пишет, что наряду с так называемыми общими наказаниями, имеющими по преимуществу карательное значение, существуют меры, назначаемые дополнительно, лишённые самостоятельного существования в качестве основных наказаний. По-иному учёный называет их ещё дополнительными наказаниями, которые при этом имеют смешанный характер, и в которых карательный элемент является лишь одной из составных частей. При этом среди таковых (мер или дополнительных наказаний) применительно к преступлениям, посягающим на интересы государства, использовались, например, меры репрессивно-предупредительные (высылка – ст. 35, ссылка на водворение – ст. 275, ограничения в избрании места жительства – ст. 128, высылка в пределы осёдлости – ст. 130), а также меры чисто репрессивного свойства (праволишения – ст. 128, 130, удаление от должности – ст. 93, 425).

К дополнительным наказаниям В. В. Есипов, Н. Д. Сергиевский и другие исследователи в конце XIX столетия относили такие его разновидности, как лишение всех прав состояния при всех наказаниях уголовных (ст. 17, 22 и след.); лишение всех особенных прав и преимуществ при ссылке на жительство, заключении в арестантские отделения или в тюрьме (ст. 30, I, II; ст. 43 и след.); лишение некоторых особенных прав и преимуществ при заключении в крепости или в тюрьме (ст. 30, III, IV; ст. 50), церковное покаяние, конфискация имущества или вещей, опубликование приговора, высылка за границу, воспрещение жительства, надзор полиции, запрещение ремесла или промысла (ст. 58).

При этом учёный выделял и другие наказания, которые называл заменяющими. В эту группу он включал политическую смерть, высылку за границу и общественные работы. Все перечисленные наказания, вне зависимости от категории, в которые включали их ученые (и которые выделялись на уровне Уложения о наказаниях), в большей мере относятся к иным мерам в силу отсутствия в их содержании карательного начала.

В этом отношении рассматриваемый период, безусловно, стал прогрессивным в части правовой регламентации ответственности за посягательства на интересы государства (как, впрочем, и в целом ответственности в её самом широком понимании), когда наряду с жёсткостью санкций государство накопило существенный опыт некарательного воздействия в отношении виновных. Можно утверждать, что именно этот этап отображает тенденцию всего

предыдущего исторического отрезка, на протяжении которого происходило формирование подхода государства к преступникам данной категории, с учётом получивших развитие идей гуманизма, терпимости, законности, экономии репрессии и человеческого материала.

Важно отметить, что на тот момент максимально индивидуализирующим качеством наказания за преступления, посягающие против государства, выступала изоляция виновного, а если быть ещё более точным, то изъятие его из общества за счёт видов наказаний (дополнительных), не имеющих под собой карательной сущности, а именно, в нынешней классификации – мер иного характера. Как раз они оказывали максимально индивидуализирующее воздействие на виновных, которое проявлялось уже на стадии самого замысла их появления и включения в санкции преступлений против основ государственного устройства.

Ссылка на поселение предусматривалась и за ряд других преступлений против государственной власти. Например, за непубличное распространение среди военнослужащих учений или суждений, возбуждающих у них желание нарушать условия несения службы (ст. 131 Уложения); или за участие в скопище в целях выражения неуважения Верховной Власти, или порицания установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола (ст. 121 Уложения); и др.

Таким образом, указанный период характеризовался, с одной стороны, значительным увеличением группы преступных посягательств против государства (и неповиновении власти¹¹), а с другой – серьёзной дифференциацией ответственности за данные деяния наряду с её относительным смягчением. Так, за целый ряд деяний подобного рода законодатель предусматривал наказание в виде денежной пени (как единственный вид наказания) – ст. 138–141, ст. 153 Уложения и др., или помещение в исправительный дом (в некоторых из перечисленных статей также в качестве единственного вида наказания) – ст. 125, 134, 145, 154, 155 Уложения и др. Между тем оба вида наказания не относились к категории наиболее репрессивных, скорее, наоборот. В свою очередь, помещение в исправительный дом как вид наказания может изменяться в иную меру как раз в силу отсутствия карательного элемента в его содержании и способности к высокой степени корректирующего воздействия на лицо, виновное в совершении преступления.

Несмотря на то что данные виды наказаний предусматривались лишь за посягательства против власти, а не за все преступления данной группы, следует отметить безусловную прогрессивность позиции законодателя по данному вопросу, что нашло отражение не только в увеличении конкретных видов преступлений, но

¹¹ См. об этом: Малиновский И. А. Лекции по истории русского права. – Ростов н/Д: Изд. кооп. т-ва «Единение», 1918. – 488 с.

и в изменении государственного подхода к ответственности за таковые.

Надо сказать, что первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. был в этом отношении принципиально иным документом. При отсутствии наказания как такового и его замене на меры социальной защиты уголовный законодатель продемонстрировал несколько иное отношение, прежде всего, к самому уголовно-правовому воздействию, и уже как следствие – к пределам ответственности за различные группы посягательств. Не являлись исключением и преступления против основ молодого Советского государства. Наряду с появлением в уголовном кодексе принципиально новых составов преступлений, относящихся к рассматриваемой группе, советский законодатель в целом сохранил общую тенденцию относительно ответственности за их совершение. И если наиболее опасные посягательства на государство карались традиционно максимально жёстко, то другие деяния, также как и по Уложению 1903 г., оценивались относительно умеренно, где собственно наказание не выступало в качестве единственной меры воздействия. В частности, такое общественно опасное деяние, как пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57, наказывалось изгнанием из пределов РСФСР или лишением свободы на срок не ниже трёх лет. Или, например, организация в контрреволюционных целях вооружённых восстаний или вторжения на советскую территорию вооружённых отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключённые ею договоры, при наличии смягчающих обстоятельств каралось лишением свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества. При этом как изоляция (удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением в других местностях или без этого или с запрещением проживания в отдельных местностях либо без такого запрещения – п. «ж» ст. 20 УК РСФСР в ред. от 1926 г.), так и конфискация вполне способны претендовать на роль иных средств воздействия на виновных в совершении любых видов преступлений.

Следует отметить, что первый уголовный кодекс во многом перенял сформировавшуюся к тому времени общую тенденцию трансформации наказания наряду с его гуманизацией. И уже в 1930 г. помимо указанных выше также включал такие виды наказаний, как общественное порицание – п. «к» ст. 20 УК РСФСР; возложение обязанности загладить причинённый вред – п. «и» ст. 20 УК РСФСР; предостережение – п. «л» ст. 20 УК РСФСР¹². Отмеченные нака-

зания наряду с конфискацией активно упоминались законодателем и в законе об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г., например, ст. ст. 7, 15, 21 и др.¹³

При этом и ссылка, и высылка устанавливались в качестве как основных, так и дополнительных видов наказаний за преступления против государства уже в УК РСФСР 1960 г. (например, ст. ст. 70, 74 и др.), а возложение обязанности загладить причинённый вред и общественное порицание были предусмотрены в общей системе наказаний (п. 8, 9 ст. 21 УК РСФСР, успешно применяясь за другие виды преступных посягательств. Интересным представляется и то, что советский законодатель допускал возможность применения к лицам, совершившим преступления против государства, условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осуждённого к труду (фактически оно представляло собой иную меру). Невозможность применения такого способа воздействия не допускалась только к тем, кто совершил особо опасные государственные преступления¹⁴. При этом элементов собственно карательного воздействия все перечисленные средства уголовно-правового принуждения в себе не содержат, по сути, в большей степени относясь к средствам иного (обеспечительного) воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений.

Что характерно, подобная перспектива наиболее реализуемой видится именно на современном этапе развития общества, значительно превосходя по своему организационному, нормативному и психологическому потенциалу любой из исследованных исторических периодов. Во многом это обусловлено тем, что УК РФ 1996 г. впервые предусматривает количество мер иного характера значительно больше, чем любой другой исторический правовой акт. Более того, отдельные виды наказаний, которые сегодня устанавливаются за преступления исследуемой группы (ч. 1 ст. 280¹, ч. 2 ст. 282³ УК РФ и др.) могут поменять свой статус и быть отнесенными именно к иному воздействию, в частности: принудительные работы (ч. 1 ст. 280¹, ч. 2 ст. 282³, ч. 1, 2 ст. 282⁴ УК РФ и др.), споры о правовой природе которых идут с момента их появления в системе наказаний российского уголовного законодательства, или ограничение свободы (например, ч. 1, 1.1 ст. 282², ч. 1 ст. 284⁴ УК РФ и некоторые др.).

Несмотря на особый характер и высокую степень общественной опасности рассматриваемых посягательств (как явления), государство

¹³ См.: Законы СССР и постановления Верховного Совета СССР, принятые на второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва (22–25 декабря 1958 г.): стеногр. отчет. – Москва: Верховный Совет СССР, 1959. – 710 с. – С. 53, 55, 57 и др.

¹⁴ См.: Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осуждённого к труду: п. «а» ч. 2 постановления Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1970. – № 24. – Ст. 204.

¹² Уголовный кодекс РСФСР в ред. 1930 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 24.09.2022).

уже сейчас на законодательном уровне демонстрирует свою способность к реализации компромиссного варианта, неизбежность которого обусловлена потребностью в дифференциации уголовной ответственности, необходимой в том числе и для повышения эффективности предупреждения совершения преступлений данной группы. В целом признавая объективность потребности в непримиримости и бескомпромиссности борьбы с посягательствами подобного рода, в то же время отметим, что их количество и качество в исторической ретроспективе стабильно менялось в сторону, во-первых, видового увеличения, во-вторых, относительной умеренности в степени общественной опасности. Наряду с традиционными – государственной изменой, шпионажем, свержением государственной власти (конституционного строя) – уголовное законодательство, начиная с первой половины XIX столетия, активно стало пополняться значительным числом так называемых иных видов преступле-

ний исследуемой группы. Отсюда появление в санкциях статей в нормах, регламентирующих ответственность за деяния, посягающие на интересы государства, наказаний, имеющих пограничный характер, способных оказаться в статусе иных мер уголовно-правового характера, не случайно и исторически обусловлено, что находит соответствующее подтверждение как в памятниках русского права, так и в специализированной литературе, посвящённой данной проблематике.

Развитие науки уголовного права, а также доминирование идей гуманизма, экономии человеческого материала обусловили реализацию принципиально иного подхода во всей сфере уголовно-правового регулирования. Это привело, в частности, к многообразию видов преступлений против государства и, соответственно, наказаний за них, часть из которых, в силу отсутствия в их содержании карательной составляющей, можно отнести к средствам иного воздействия на виновных.

Список литературы

1. *Авдеев В. А.* Принудительные работы как новый вид наказания в системе мер уголовно-правового характера // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 6. – С. 100–101.
2. *Анисимов Е. В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. – Санкт-Петербург: Норинт, 2004. – 461 с.
3. *Астахова Н. Ю.* Уголовное уложение 1903 г.: ответственность за организацию и участие в преступных сообществах // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1. – С. 126–131.
4. *Бабкова Г. О.* Уголовно-процессуальные законопроекты Екатерины II и российское законодательство второй половины XVIII в. (к истории Указа «О трёх родах воровства» 1781 г. и «Устава благочиния» 1782 г.) // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2. – С. 12–14.
5. *Буклова В. А.* Эволюционные особенности системы уголовного наказания в уголовном законодательстве Российской империи XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. – 2009. – № 4. – С. 19–23.
6. *Булдыгерова Л. Н.* Право Российской Империи (XVII–начало XX века). – Хабаровск, 2019. – 288 с.
7. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. – Санкт-Петербург, 1892. – 712 с.
8. *Григорьев О. В.* Артикул воинский и «краткое изображение процессов и судебных тяжёб» как основа отправления правосудия в русской армии в XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – № 1. – С. 28–38.
9. *Горячева Е. М.* Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 3-2. – С. 111–119.
10. *Егошин О. А.* Виды наказаний в отношении военнослужащих и их применение в эпоху Петра I // Вопросы теории и истории государства и права. Марийский юридический вестник. – 2009. – № 7. – С. 43–55.
11. *Ефименко И. А.* Составы политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 55–58.
12. *Загидуллин М. Р.* Юридическая ответственность в судебном процессе России по судейникам 1497 и 1550 г. // Учёные записки Казанского университета. Серия «гуманитарные науки». – 2019. – № 1. – С. 32–40.
13. *Радищев А. Н.* Избранные философские сочинения. – Москва: Госполитиздат, 1949. – 559 с.
14. *Луппова М. А.* К вопросу о системе наказаний и практика её применения по Соборному Уложению 1649 года // Молодой учёный. – 2021. – № 20. – С. 346–349.
15. *Люблинский П. И.* Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. – Москва: Зерцало-М, 2014. – 234 с.
16. *Марасинова Е. Н.* Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века // Российская история. – 2014. – № 4. – С. 53–69.
17. *Непомнящая Т. В.* Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. – 2017. – № 1. – С. 118–119.

18. Новикова Е. А. Правовая природа ограничения свободы // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 8. – С. 1699–1700.
19. Памятники русского права : Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / сост.: В. Н. Автократов, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. Г. Поляк ; под редакцией Л. В. Черепнина. – Москва: Госюриздат, 1955. – Вып. 3 – 527 с.
20. Савченко Д. А. Модернизация российского законодательства XIX века об ответственности за государственные преступления // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 231–249.
21. Сквозников А. Н. Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2012. – № 1. – С. 79–84 (82).
22. Степанова О. В. Зарождение новой формы ссылки в России в XVIII веке // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. – 2008. – № 6. – С. 79–84.
23. Томсинов В. А. Законодательство императрицы Екатерины I: комментарий. Опубликовано в издании: Законодательство Екатерины I и Петра II (Серия «Русское юридическое наследие») / составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. – Москва: Зерцало, 2009. – С. XIII–XXIII.
24. Томсинов В. А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции. Опубликовано в издании: Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. – Москва: Зерцало, 2011. – С. 1–52.
25. Чирскова И. М. Сыск и наказания «воров» и «разбойников» в правовой культуре периода царствования Елизаветы Петровны // Вестник Российского государственного гуманитарного университета: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2020. – № 8. – С. 41–42.
26. Упоров И. В. Теория уголовного наказания в России: от екатерининского «Наказа» до системных исследований начала XIX века // Гуманитарный научный вестник. – 2017. – № 7. – С. 19–25.

References

1. Avdeyev V. A. Prinuditel'nyye raboty kak novyy vid nakazaniya v sisteme mer ugolovno-pravovogo kharaktera // Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii. – 2012. – № 6. – S. 100–101.
2. Anisimov Ye. V. Russkaya pytka. Politicheskii syisk v Rossii XVIII veka. – Sankt-Peterburg: Norint, 2004. – 461 s.
3. Astakhova N. Yu. Ugolovnoye ulozheniye 1903 g.: otvetstvennost' za organizatsiyu i uchastiye v prestupnykh soobshchestvakh // Gumanitarnyye issledovaniya. – 2013. – № 1. – S. 126–131.
4. Babkova G. O. Ugolovno-protsessual'nyye zakonoprojekty Yekateriny II i rossiiskoye zakonodatel'stvo vtoroi poloviny XVIII v. (k istorii Ukaza «O trokh rodakh vorovstva» 1781 g. i «Ustava blagochiniya» 1782 g.) // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2015. – № 2. – S. 12–14.
5. Buklova V. A. Evolyutsionnyye osobennosti sistemy ugolovnogo nakazaniya v ugolovnom zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii XIX v. // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. – 2009. – № 4. – S. 19–23.
6. Buldygerova L. N. Pravo Rossiyskoy Imperii (XVII–nachalo XX veka). – Khabarovsk, 2019. – 288 s.
7. Vladimirovskii-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. – Sankt-Peterburg, 1892. – 712 s.
8. Grigor'yev O. V. Artikel voinskiy i «kratkoye izobrazheniye protsessov i sudebnykh tyazheb» kak osnova otpravleniya pravosudiya v russkoy armii v XVIII v. // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2018. – № 1. – S. 28–38.
9. Goryacheva Ye. M. Osobennosti administrativnogo i ugolovnogo zakonodatel'stva v sfere bor'by s inakomyshyem v gody pravleniya Nikolaya I // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki. – 2014. – № 3-2. – S. 111–119.
10. Yegoshin O. A. Vidy nakazaniy v otnoshenii voyennosluzhashchikh i ikh primeneniye v epokhu Petra I // Voprosy teorii i istorii gosudarstva i prava. Mariyskiy yuridicheskiy vestnik. – 2009. – № 7. – S. 43–55.
11. Yefimenko I. A. Sostavy politicheskikh prestupleniy v Ulozhenii o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 g. // Obshchestvo i pravo. – 2010. – № 4. – S. 55–58.
12. Zagidullin M. R. Yuridicheskaya otvetstvennost' v sudebnom protsesse Rossii po sudebnikom 1497 i 1550 g. // Uchonyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «gumanitarnyye nauki». – 2019. – № 1. – S. 32–40.
13. Radishchev A. N. Izbrannyye filosofskiyе sochineniya. – Moskva: Gospolitizdat, 1949. – 559 s.
14. Luppova M. A. K voprosu o sisteme nakazaniy i praktika yeyо primeneniya po Sobornomu Ulozheniyu 1649 goda // Molodoy uchonyy. – 2021. – № 20. – S. 346–349.
15. Lyublinskiy P. I. Tekhnika, tolkovaniye i kazuistika ugolovnogo kodeksa. – Moskva: Zertsalo-M, 2014. – 234 s.
16. Marasinova Ye. N. Smertnaya kazn' i politicheskaya smert' v Rossii serediny XVIII veka // Rossiiskaya istoriya. – 2014. – № 4. – S. 53–69.
17. Nepomnyashchaya T. V. Inyye mery ugolovno-pravovogo kharaktera: ponyatiye, yuridicheskaya priroda, sistema // Pravoprimeneniye. – 2017. – № 1. – S. 118–119.

18. *Novikova Ye. A.* Pravovaya priroda ogranicheniya svobody // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2014. – № 8. – S. 1699–1700.
19. Pamyatniki russkogo prava.: Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. / sost.: V. N. Avtokratov, A. A. Zimin, S. M. Kashtanov, A. G. Polyak; pod redaktsiyey L. V. Cherepnina. – Moskva: Gosyurizdat, 1955. – Vyp. 3 – 527 s.
20. *Savchenko D. A.* Modernizatsiya rossiyskogo zakonodatel'stva XIX veka ob otvetstvennosti za gosudarstvennyye prestupleniya // Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs. – 2014. – № 9-1. – S. 231–249.
21. *Skvoznikov A. N.* Otvetstvennost' za prestupleniya protiv pravosudiya i interesov gosudarstvennoy sluzhby po Sudebnikam 1497 i 1550 gg. // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo». – 2012. – № 1. – S. 79–84 (82).
22. *Stepanova O. V.* Zarozhdeniye novoy formy ssylki v Rossii v XVIII veke // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. – 2008. – № 6. – S. 79–84.
23. *Tomsinov V. A.* Zakonodatel'stvo imperatritsy Yekateriny I: kommentarii. Opublikovano v izdanii: Zakonodatel'stvo Yekateriny I i Petra II (Seriya «Russkoye yuridicheskoye naslediyey») / sostavitel' i avtor vstupitel'nykh statei V. A. Tomsinov. – Moskva: Zertsalo, 2009. – S. XIII–XXIII.
24. *Tomsinov V. A.* Sobornoye ulozheniye 1649 goda kak pamyatnik russkoj yurisprudentsii. Opublikovano v izdanii: Sobornoye ulozheniye 1649 goda. Zakonodatel'stvo tsarya Alekseye Mikhailovicha / sostavitel', avtor predisloviya i vstupitel'nykh statei V. A. Tomsinov. – Moskva: Zertsalo, 2011. – S. 1–52.
25. *Chirskova I. M.* Sysk i nakazaniya «vorov» i «razboinikov» v pravovoj kul'ture perioda tsarstvovaniya Yelizavety Petrovny // Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta: Literaturovedeniye. YAzykoznaniiye. Kul'turologiya. – 2020. – № 8. – S. 41–42.
26. *Uporov I. V.* Teoriya ugolovnogo nakazaniya v Rossii: ot yekaterininskogo «Nakaza» do sistemnykh issledovaniy nachala XIX veka // Gumanitarnyy nauchnyy vestnik. – 2017. – № 7. – S. 19–25.

Статья поступила в редакцию 09.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 18.01.2023.

The article was submitted December 9, 2022; approved after reviewing January 10, 2023; accepted for publication January 18, 2023.